

THE EASTERN ORTHODOX No 142: December 2021

His Holiness Kyrill, Patriarch of Moscow and All the Russias
Most Rev John, Metropolitan of Dubna and the Archdiocese of Western Europe

ST JOHN'S RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

Military Road, Colchester, Essex CO1 2AN

www.facebook.com/stjohnsorthodoxcolchester

Whatsapp: Colchester Russian Church: 07547 789048

The Church of St John of Shanghai, built in 1855, is the largest Russian Orthodox church building in the British Isles, and is attended by 4,000 Orthodox of 24 nationalities, with over 150 baptisms per year. It is a parish of the East of England Orthodox Church Trust (Charity No. 1081707), part of the Western European Archdiocese of the Russian Orthodox Church and cares for grassroots Orthodox of all nationalities all over Eastern England and beyond.

Rector: прот. Андрей Филлипс / Archpriest Andrew Phillips M.A. (Oxon)
(Russian/English): frandrew_anglorus@yahoo.co.uk / Please contact by SMS or on
Whatsapp on 07745 298266, or by e-mail

Colchester: Fr Ioan Iana (Romanian): ovi.iana@yahoo.com / 07983 204844

Cambridge/Little Abington: Fr Andrew Phillips: 07745 298266

London: Fr Leonid Tauleanu (Moldovan): 07935 401493

Bradford: Fr Alexandru Visan (Moldovan): 07729 753549

Coventry: Fr George Petrovsky (Russian): biplan997@gmail.com / 07459 281942

Deacons: Timothy Phillips, Sergiu Smantana

Readers: Jack Sardo, Daniel Zabacinschi, Maxim Brown, Serghei Novitchi, Alban Phillips

Choir and Sisterhood: Sabine Phillips

Caretaker: Paul Hopkins, 69 Military Road

Gardener: Joy Morris

St Alban's Circle: After the Sunday Liturgy in English with Fr Andrew

Sunday School, Searchlight Magazine and St Juliana's Sewing Club: Mary Kisliakova:
mary0170@yahoo.com

St Joseph's Construction Club: Martina Colto: coltomarian@yahoo.com

Russian School: Sophia Bown: safi@mail.ru

Church Bookshop and Publications: Audrey Body: abody@st-albans.suffolk.sch.uk

Russian Orthodox Camp (Ages 9-16): Fr Stephen Platt: fr.stephen.platt@googlemail.com

Youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=rE2T2sYTy8s>

Website: www.orthodoxengland.org.uk

Расписание Богослужений / Timetable of Services

Friday 3 December:

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Saturday 4 December: Введение во храм Пресвятой Богородицы / Feast of the Presentation of the Most Holy Mother of God in the Temple

9.00 am: Hours and Liturgy / Часы и Божественная литургия

Sunday 5 December

9.00 am: Hours and Liturgy / Часы и Божественная литургия

Saturday 11 December

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 12 December

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Saturday 18 December

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 19 December: St Nicholas the Wonderworker / Свт. Николай Чудотворец

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Saturday 25 December

No Vigil Service / Всенощного бдения нет

Sunday 26 December

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Baptisms in November

6/11: Maxim Galinis

7/11: Sofia Pols

7/11: Adrian Tinor

8/11: Teodora Pelmus

14/11: Ianis Melnicki

14/11: Mathias Paraschiu

14/11: Mihai Stanescu

14/11: Giulia Vasarhelyi

20/11: Jasmine Ursu

20/11: Vasilisa Malkova

21/11: Maria Lacusta

21/11: Andrei Ghinea

21/11: Maria Ivan

27/11: Inna Suskevich

27/11: Ioanna Kazlauskaite

27/11: Veronika Marchuk

28/11: Eva Guscin

28/11: Stefan Cajvan

Birth:

21/11: Lena (Magdalena) to Deacon Timothy and Lauren Victoria Phillips

Funeral:

25/11: Lilian Roman (in Luton)

Church News

Candles and Prospora

The price has increased from 40 pence to 50 pence, far cheaper than anywhere in London!

МИТРОПОЛИТ ТИХОН: ПЕРЕСТАВАЯ БЫТЬ ГОСУДАРСТВЕННИКОМ, РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ РАЗРУШИТЕЛЕМ

Анастасия Кашеварова

Митрополит Псковский и Порховский Тихон (Шевкунов) дал пространное интервью основательнице «Daily Storm» Анастасии Кашеваровой. Представляем читателям его полную расшифровку.

О КОРОНОВИРУСЕ И ВАКЦИНАЦИИ

— Владыка, я знаю, что вы к нам прямиком из больницы, где вы причащали больных COVID-ом. Какая ситуация сейчас в Псковской области? Много ли больных, которых вы посещаете; может быть, оказываете какую-то поддержку? Как обстоят дела у вашей паствы?

— Ситуация, без всякого преувеличения, тяжёлая. В больнице, где мы причащали больных, реанимационное отделение расширено и занимает не только помещение реанимации, но и обычные больничные корпуса. Очень много больных. Утром отпевал нашего священника — отца Георгия Ушакова, которого я знал много лет. Замечательный батюшка. К сожалению, у нас умирают один за другим — за неделю четыре или пять человек. Я иногда в ужас прихожу: как легкомысленно относятся к этой проблеме! Прошлой весной, когда всё это началось, я говорил: это третья мировая война. Я не преувеличиваю и не шучу. Можете говорить, что это теория заговора... Это мировая война! Потери будут страшные. Вбрасываются всякого рода легенды, фейки, провокации, чтобы люди не предохранялись от этой болезни — начиная от масок, заканчивая прививками. Тринадцатилетние дети лежат сейчас в реанимации. Я только-только оттуда вернулся. Когда отпевали отца Георгия, я умолял, просил всех в

храме надеть маски. Несколько человек стоят без масок! Люди, которые заразились, заразились не от тяжёлых больных, а от таких же, как они – не знающих о том, что они являются латентными переносчиками вируса. Берегите друг друга! Нет... двое принципиально не надели маски.

— Многие говорят, что якобы государство не настолько пропагандирует вакцинацию. Когда только это пошло, начали говорить, что наша прививка БЦЖ якобы защищает, ещё что-то защищает... Пока все не столкнулись с этим напрямую, видимо, было упущено время.

— Я думаю, что это не так. С самого начала говорили. Просто вместе с этим вирусом нам вбросили дополнительную информационную войну. Получили все! Священники получили одни страшилки; интеллигенция – другие; врачи – третьи и так далее. В больнице я спросил у главврача, сколько в больнице привитых. Он сказал, что примерно из ста человек один. Пусть люди думают что хотят. Что с этим сделаешь! Не будучи врачом, но заботясь о своей пастве по долгу своему, я кричу, убеждаю людей прислушаться к врачам, а не к Интернету. Это какая-то массовая жуткая провокация. Страшно смотреть, когда люди умирают в больнице. Ещё страшней видеть, как лишаются рассудка. Это действует и на нервную систему, и на психику. Бесполезно говорить людям, которые поставили некую внутреннюю преграду. Пик будет аж в январе. Но смертность страшная... Мы говорили с врачами о том, что COVID-диссиденты оказываются самыми малодушными, самыми неприятными и капризными пациентами. У них начинается дикая паника. Когда я в прошлый раз был в больнице, мы побеседовали с врачом, который лежал там; он причастился. Я спросил его, почему он не привился. Он содрал с себя кислородную маску и со слезами сказал: «Идиот я... идиот!»

— Вы сами привиты?

— Да, я привился. У меня мама, Царствие Небесное, была доктором наук, эпидемиологом. Она работала в институте Гамалеи. Я видел, какие самоотверженные люди там работают. Я вижу сейчас врачей, которые ночами не спят. Дикая перегрузка! Огромные человеческие ресурсы задействованы; я уж не говорю о финансовых ресурсах – каждый больной для государства стоит вплоть до миллионов.

— Там препараты стоят по пятьдесят тысяч.

— Да, один укол. Люди упрямы, как в присказке: ёжики рыдали, кололись, но продолжали есть кактус. Очень больно смотреть. Там лежат все непривитые. Конечно, это выбор человека.

— Если раньше церковь была удалена от науки, то сейчас она как-то всё ближе и ближе становится.

— У нас есть врачи, у нас есть епископ-эпидемиолог. В Церкви же образованные люди. Наши врачи — и главврач нашей больницы, и заместитель главного врача, и многие врачи — тоже Церковь, они православные. Как говорят, они практикующие православные (не люблю это слово), глубоко православные люди. Я сейчас сделал фильм о Февральской революции – «Гибель империи. Российский урок»; его показывали по телевидению. Всё безумие, разрушение страны созерцал французский посол в тогдашнем Петрограде Морис Палеолог. И глядя на то, что происходит... на это самоубийство, он сказал очень глубокую фразу: «Ни один народ не поддаётся так легко влиянию и внушению, как народ русский» — в десятку попал. По COVID-диссидентству Россия занимает первое место.

СТРОЙКА И РЕСТАВРАЦИЯ В ПСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

— Здесь была раньше онкологическая больница?

— Здесь было архиерейское подворье; храм рядом — типа епархиального управления. В советское время все это было закрыто; потом была онкологическая больница. Сейчас в Пскове выстроили прекрасный онкологический центр. Здание, которое ранее принадлежало Церкви, и весь комплекс передали епархии. Сейчас будем восстанавливать храм.

— Работы у вас здесь непочатый край.

— Чем драгоценна Псковская земля: здесь был практически первый храм. На месте прекрасного Троицкого собора стоял первый храм, который создала княгиня Ольга в середине X века. Здесь родились княгиня Ольга и князь Владимир. У нас огромное количество древних храмов, которые называются памятниками федерального значения. У нас XV-XVI век — это уже новодел. Так получилось, что многие из них не реставрированы, в том числе и Троицкий собор, который частично в аварийном состоянии; Снетогорский монастырь XIII века.

— Тяжело искать средства на восстановление?

— Что касается памятников, самих зданий — государство очень помогает. Была целая программа «Культура России», которая сейчас практически завершена. Псковская епархия в ней не участвовала. И если другие епархии (Владимирская, например) получали большие средства, и государство восстанавливало древнейшие храмы и монастыри, (народное достояние), то Псковская епархия была как-то немножко обделена. Мы сейчас сделали целую программу. Вместе с Министерством культуры посмотрели, какие у нас самые «горящие» и важные объекты — храмы, монастыри. Сейчас делаем проекты восстановления и приступаем к реставрации. Создана специальная организация АНО «Возрождение» — совместно с губернией, епархией, специалистами в Москве. Конечно, всё это под жёстким наблюдением. Мы получили большой заказ на восстановление храмов, в том числе десяти храмов, которые вошли в особый список ЮНЕСКО. Мы сэкономили 50% средств, но не за счёт снижения качества работ, которые направили на новые проекты.

— На строительство новых храмов?

— Нет, не новые храмы, а проектирование и реставрация древних памятников. Наша главная задача — сохранить то, что есть. Мы хотим построить, может быть, два храма, не больше. Много храмов сохранилось, слава Богу, в Псковской области. Но иной раз легче построить заново храм, чем реставрировать.

— Это дешевле...

— Это намного дешевле. Но нам надо всё-таки передать потомкам храмы и монастыри в неразрушенном виде. За нами серьёзно присматривает и помогает Министерство культуры, псковская и федеральная охрана памятников. Все вместе — такая синергия.

— После развала Советского Союза, когда земли стали передавать Церкви и начали возрождать храмы, очень тяжело было искать деньги на восстановление, потому что у государства тогда денег не было. Очень сложно было с людьми, которые не совсем понимали, что это нужно. И сейчас есть те, которые говорят: зачем новые строить; нужно возрождать старые поруганные. Вы сами как считаете: нужно

возрождать? Не достаточно ли нам строительства новых храмов?

— Это решается на местах. В Псковской области особая история. Когда вы проезжали по Пскову, видели, наверное, просто в пяти шагах друг от друга, один за другим, потрясающей красоты храмы. Наша важнейшая задача — их сохранить. Это действительно шедевры мирового духовного и архитектурного искусства.

— Это история России...

— В Псков приезжают, не для того чтобы посмотреть какой-нибудь полузакрытый завод или какой-нибудь стадион. Люди приезжают, чтобы посмотреть древний Кремль, Мирожский монастырь, Снетогорский монастырь, Псково-Печерский монастырь, Святогорский монастырь, где похоронен Александр Сергеевич Пушкин. Туда люди едут, чтобы приобщиться к своей истории. Силами епархии мы построили храм при городской больнице — в память святителя Луки Войно-Ясенецкого, великого епископа и знаменитого хирурга, лауреата Сталинской премии. В районе новостройки, где нет храмов, хотим построить два небольших храма, один из которых деревянный. Всё это мы делаем за свой счёт. Государство новые храмы не строит.

— Сейчас слушания проводятся по строительству храмов?

— Будут проводиться общественные слушания в районных организациях. Землю нам передают. Дальше будут решать жители. Я надеюсь, что не будут сильно возражать, потому что мы собираемся сделать там и небольшой молодёжный центр. Мы строим и приходские дома. Храм должен быть обязательно с приходским домом, чтобы там была воскресная школа; чтобы люди могли там собираться. Мы делаем эти приходские дома с большой социальной столовой. Это не для бомжей; для бомжей отдельно мы строим в Печорах. У нас не самая богатая область, к сожалению. Есть люди, которые не нищие, но с небольшой зарплатой и пенсией, у которых есть проблемы. Мы делаем в этих домах клубы такие, где очень хорошая столовая и место встречи. Стоимость клубной карты будет триста рублей в месяц, но за эти деньги люди смогут каждый день приходить в свой клуб и обедать или ужинать.

— Это будет партнёрка с кем-то?

— С епархией. Мы зарабатываем немножечко: у нас есть издательство; у нас есть небольшая строительная компания по реставрации. Заработанные средства будем тратить на это. Строить помогает один мой хороший знакомый — русский эмигрант граф Сергей Сергеевич Пален, мой старый друг. Он из первой волны эмиграции; родился уже во Франции. Он поможет нам построить эти дома; а уже содержать их мы будем сами. Очень симпатичные домики такие, хорошие, уже штук пять построили.

— Это благое дело. Я, как верующий человек, обеими руками за. Но почему у нас церкви закрыты на ночь? В католическом храме можно помолиться. Вот душа просит прийти помолиться. Почему нельзя прийти в святой дом?

— Я, честно говоря, не знаю насчёт того, что в католических церквях ночью было открыто.

— Службы там нет, но можно зайти.

— Я не очень представляю. У меня порывов сходить ночью в храм давно уже нет, может быть, из-за того, что я в монастыре живу. Храмы у нас открыты целый день. Если хочется помолиться, можно и дома помолиться. Ночью... У нас священник — он один.

— Или есть опасность воровства?

— Воровство жуткое. В Псковской области нет ни одного храма, который дважды или трижды не был бы обворован.

— Была история, когда путинскую икону какую-то украли, но не в Пскове.

— У нас этим летом обворовано пять или шесть храмов. Из-за этого ставим общее видеонаблюдение. Поэтому уж потерпите до утра. Ничего страшного. Батюшка бедный; вечером поздно уходит, а ему надо ещё правило прочесть, и семья всё-таки есть. А утром он уже в семь утра приезжает, готовится к службе — пожалуйста, приходите.

КРИТИКА В СМИ

— Вы с 2018 года в Пскове. У вас, может быть, какие-то проблемы есть тут, с которыми вы столкнулись, какие-то антагонисты есть?

— Когда человек начинает любое дело, оно всегда встречает сопротивление. Вот, например, те же приходские дома. У нас есть либеральный орган «Псковская губерния»; они написали большую грозную статью «Владыка, вы нарушаете закон».

— Это местное СМИ?

— Да, местное СМИ. Не хочу делать ему рекламу, но о нём и так все знают. Так вот что происходит. В самом центре стоит древний храм, у которого нет приходского дома. Мы собираемся строить там приходской дом с клубом, с социальной столовой.

— Это дом причта на Шуйского?

— Видите, вы тоже знаете эту историю. Естественно, мы запрашиваем охрану памятников. В каком случае можно строить? Я проведу вам маленький ликбез по охране памятников — в каком случае можно строить здания на том или ином месте. Если были старые фундаменты, старые здания, то мы имеем право там построить. На том месте, где мы хотим построить, было много фундаментов. А рядышком стоит частная гостиница, которая хочет там сделать дорогу. Мы совершенно законно проектируем хороший дом. Там туристическое место, с которого открывается красивый вид на реку Великую, на Псков. Мы решили не на самих фундаментах строить, чтобы не закрыть этот вид, а рядом, захватывая только часть фундамента. Охрана памятников нам согласовала; все городские организации согласовали. Я сегодня разговаривал с руководителем нашей охраны памятников, который говорит, что частная гостиница взяла дополнительную землю незаконно. И они привлекли нашу творческую интеллигенцию: архиерей хочет построить там здания, в которых будут прохлаждаться его священники. Я ещё раз объясняю, что мы строим совсем для другого; ещё раз говорю про социальную столовую; что всё совершенно законно, потому что есть фундамент, есть разрешение охраны памятников и разрешение Министерства культуры. Нет, насмерть встают!

— Я читала, что они незаконно забрали двести метров. Это очень большая территория.

— Идут проверки. Им урежут, но не нам. Нам в другом месте — на старых фундаментах. Этот храм под охраной ЮНЕСКО. ЮНЕСКО, по старым фотографиям, предписало сделать какие-то постройки, чтобы это было как в древности, как раньше — то есть эти фундаменты как-то занять. Что мы и делаем, исполняя в том числе

предписание ЮНЕСКО. Но, как сказал помянутый сегодня Морис Палеолог, мы слишком возбудимы, слишком впечатлительны и слишком внушаемы. Какие-то архитекторы, искусствоведы и прочие подняли крик. Когда разобрались, оказалось, что всё нормально, никаких вопросов нет. Гостиница пусть решает их частный вопрос с законом. Но люди мгновенно заводятся. Сейчас это особое состояние общества. Мы не выросли из подросткового негативизма. Это особая характеристика нашего общества. Мы находимся в состоянии некоего подросткового девиантного поведения. Что такое подросток? Учителя против него; родители против него; он, соответственно, протестует против всего. Протест — это нормальное состояние подростка, пока он не вырастет. А наше общество находится сегодня в этом подростковом состоянии. И это видно по всему: массовый внутренний протест против любого принуждения (в хорошем смысле слова, начиная с требования вовремя приходить на работу, исполнять некие предписания, носить маски и так далее), против любого совета. Мы все революционеры! А на самом деле не революционеры; мы не выросли из подросткового состояния. В первую очередь это относится к нашей любимой замечательной креативной интеллигенции.

— Получается, с этим домом причта суд будет?

— Я не знаю.

— Или будет история как в Екатеринбурге?

— Я думаю, что до этого не дойдёт. У меня была недавно пресс-конференция. Выступил наш руководитель охраны памятников; мы показали, какой это будет дом — в стиле псковской городской застройки; он будет стоять частично на старом фундаменте; не будет ничего перекрывать. Разрешение охраны памятников есть; предписание ЮНЕСКО — там строить обязательно; вот дорогу там не проложат до частной гостиницы. И все успокоились, кроме интересантов. Как говорится, бизнес — и ничего личного. Но они подняли общество! Есть частный интерес, и есть люди, которые, помимо своей воли, начали этот частный интерес обслуживать. Надеюсь, что там всё успокоилось. Строят маленький, небольшой дом, не для того чтобы священник там прохлаждался (у священника есть квартира), а для того чтобы сделать там, в первую очередь, социальную столовую.

— Я замечала, что наше мусульманское общество...

— ...едино.

— Почему православные против?

— Я подозреваю, что у них тоже проблемы. Они те же россияне; они той же нашей общей культуры. Боюсь, что не ошибусь, если скажу, что у них тоже есть масса проблем; просто это не выплёскивается. Они берегут друг друга. Они сплочённые ребята.

— Я ни разу не слышала, чтобы они против мечети были. Наоборот: давайте и там мечети, и здесь, и рядом с уже построенной...

— Я разговаривал с муфтиями. У них не меньше проблем. Это как у Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга; каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». У них другая культура; они не выплёскивают это всё. Ну, хорошо, мы великое демократическое общество; мы везде будем кричать о наших реальных и выдуманных проблемах — нас не переделаешь. Какие есть — надо уживаться сами с собой.

О НРАВСТВЕННОМ И ДУХОВНОМ СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

— **Как вы сейчас оцениваете нравственное состояние общества, когда хорошее отвергается, а какой-то негатив, хайп, наоборот, привлекается? Недавно была история с Ксенией Анатольевной Собчак, когда она попала в аварию и покинула место происшествия. Милосердия у человека нет; есть малодушие у всех, кто имеет влияние на общество. И общество таких людей поддерживает. Идёт какой-то нравственный перекося.**

— Наше общество, к сожалению, находится в состоянии подросткового негативизма. Мы не выросли; мы это не перебороли; мы не встали на ступень выше. Конечно, у нас есть люди нормальные (даже речи об этом нет), но превалирует в обществе, к сожалению, пока именно это.

— **Из-за чего это? Вы же пришли к этому.**

— Есть масса причин. Это надо специально изучать, почему такое происходит; почему подростковый инфантилизм остаётся у взрослого человека; почему такой негативизм; почему девиантное поведение становится у нас нормой. А это девиантное поведение — когда люди убегают с места происшествия. Я не имею в виду сейчас Ксению Анатольевну, но вообще в целом... Что говорить о телеведущей, когда у нас и священники так иногда поступают. На зеркало неча пенять, коли рожа крива! Мы сами хороши! Что нам осуждать-то! Нам надо взрослеть. Должны быть принципы; должно воспитываться благородство; должны воспитываться твёрдые правила, утраченные во всех слоях общества. Не буду ругать телевидение; это уже стало пошлым.

— **Государство выделяет на телевидение деньги.**

— К сожалению. А социальный заказ-то другой! Идёт рыночная история.

— **Ходили разговоры, что вы с тяжёлым сердцем оставляли...**

— ...мир или Москву? Да что вы!

— **...Сретенскую семинарию. Это же ваше детище...**

— Сретенская семинария и Сретенский монастырь... Мне всегда очень приятно, когда Святейший Патриарх говорит: это ваше детище. Я духовно родился здесь, в Псково-Печерском монастыре. С 1986 года, когда меня перевели из Псково-Печерского монастыря в Москву, я молил Бога, чтобы Господь меня вернул в Печоры. Я строил Сретенский монастырь, и в Донском монастыре принимал участие, где было множество проектов. Не прошло и тридцати двух лет, как Господь услышал мои молитвы и вернул меня. Я снова оказался здесь.

— **Священников отправляют потом за рубеж представлять интересы?**

— Да, наши выпускники служат по всей территории России, и на Украине, и в Белоруссии, и в Америке, и в Европе. Но в основном, конечно, в России.

— **Я всегда думала, что у РПЦ это тоже такая мягкая сила. Когда наши священники там, они многое знают. Есть некое сотрудничество между МИДом и РПЦ?**

— Я не думаю, что оно на уровне дипломатии даже; это скорее выше. Святейший Патриарх только что встречался с муфтием Азербайджана и с Армянским католикосом. Представляете, насколько это важно? Дипломатические усилия Русская Православная Церковь предпринимала в лице нынешнего Патриарха Кирилла и Патриарха Алексия в 1993 году, во время страшного кризиса, который готов был перерасти в гражданскую войну. Думаю, свою лепту они тоже внесли. Был период, когда с Израилем не было дипломатических отношений, и какое-то участие во взаимоотношениях двух государств или двух народов принимала наша миссия в Иерусалиме, когда не было ещё представительства СССР в Израиле. Я не думаю, что это большая деятельность. Но наши дореволюционные подвижники — Порфирий (Успенский), Антонин (Капустин), который скупил огромное количество земли в Палестине, которая принадлежала Российской Православной Церкви (тогда она так называлась). — приняли участие в этом. Самые дорогие земли принадлежали России, а позже Советскому Союзу. Центр Иерусалима был русский! Но Никита Сергеевич Хрущёв решил, что это не нужно, и продал огромные участки в центре Иерусалима и по всему Израилю, кажется, за несколько миллионов долларов; причём ему дали это в цитрусовых. Был какой-то танкер с мандаринами, лимонами, апельсинами, который прибыл в Одесский порт; апельсины в конце концов где-то в море выбросили, потому что они сгнили. Наше посольство в Китае — самое больше посольство в мире. А это же была русская духовная миссия. И очень много было сделано тогда в Китае. Общение русского и китайского народов на духовном уровне было загублено, в том числе благодаря недальновидной политике советского государства, когда Русская Православная Церковь была запрещена. Там же было два православных епископа китайца было немало православных китайцев. В Китае сейчас сто шестьдесят миллионов христиан (больше, чем населения в нынешней России), если я не ошибаюсь. Но это католики и протестанты, а православие там запрещено (так сложилось исторически). Количество христиан сейчас увеличивается. Люди принимают христианство; но это либо католики, либо пятидесятники, а русской миссии там нет — взяли и загубили. Поступили недальновидно и неумно.

— Как вы можете оценить ситуацию внутри страны? Я вернусь к мусульманам. Хоть я друг исламского мира, но есть некая агрессивная политика у них. В соцсетях я постоянно вижу очень много русских православных девочек, которые пытаются стать мусульманками. Или это какой-то тренд сложился? Либо у нас недостаточно информированности, вовлечения молодёжи в Русскую Православную Церковь?

— Мы слабо работаем, недостаточно и недействительно несём слово Божие людям, и в том числе молодёжи — это факт, к сожалению. Да, у нас немало молодёжи. В Сретенском монастыре у нас просто огромный молодёжный приход; и таких приходов по Москве и по стране много, но в целом, конечно, мало. Мы получили огромное наследство — Русскую Православную Церковь. Мы получили просто гигантский архипелаг духовных знаний, духовных сокровищ, которые соединяют человека с Богом; которые дают познание Божественных законов в этой жизни; которые дают путь в будущую вечную жизнь, предстоящую каждому человеку. Но надо, чтобы человек зрячий шёл туда — это предназначение нашей Церкви.

Проблема общества 1917 года — года Февральской революции — была в том, что ни государство, ни Церковь не смогли найти общего языка с обществом. Во многом неэффективность, невнятность и неясность проповеди привели к тому, что на Пасху

1917 года, которая проходила уже после революции, было отменено обязательное причащение на фронте, когда причащалось всего 10%. Если до революции все православные в войсках (а их было до 95%; остальные были мусульмане, иудеи и другие) должны были причащаться на Пасху. И если в 1916 году причащались 100%, то в 1917 году, после Февральской революции и отмены этой обязательности, причащалось всего 10%. О чём это говорит? Даже при обязательном школьном церковном образовании упустили нечто главное. Не познакомили людей с Богом. Объяснили все наши предания, обряды; объяснили, как креститься. А вот встречу души и Бога устроить не смогли. А это самое главное. Наша задача — реальное богообщение, когда человек знает Бога.

— То есть вера в Бога есть, а веры в Церковь нет?

— Нет-нет, есть то и другое; верят и в Церковь. Есть, конечно, кто-то, кто Церкви не доверяет. Но среди православных таких немного. Есть такие экстремисты у нас, которые просто не понимают, что такое Церковь. Как сказал священномученик Иларион (Троицкий), покровитель Сретенского монастыря, «без Церкви нет спасения» — то есть нет единения с Богом. Мы должны приложить множество усилий, чтобы найти вот этот путь и исполнить свой долг перед молодым поколением и перед старшими поколениями, чтобы рассказать о вере так, чтобы люди нас услышали. Это наш долг перед тысячелетней Россией. Это личное дело человека — услышит он или не услышит. Но мы должны заговорить на том языке, который даст ему возможность всё услышать.

— У католиков действительно молодёжь ходит в церковь. Я была в Шотландии, где при университетах есть небольшие храмы, церквушечки, в которых Библии разложены. У их молодёжи нет невосприятости Церкви, а у нашей молодёжи полное отторжение. Из-за чего это? Возможно, в Церкви появляется очень много либо случайных людей, либо людей, которые несут в себе не созидание, а разрушение. Два священника были арестованы, которые, как было доказано, изнасиловали пятьдесят три ребёнка. У нас растёт какое-то искалеченное поколение, которое Господа не слышит. Они не понимают, к кому обратиться за помощью. Государство не помогает; у нас дети просто заброшены.

— Ну как не помогает?! В Сретенском монастыре мы патронировали школу-интернат. Когда мы пришли в 2002 году в Михайлов — это была просто жуть. Мы что-то вложили, и государство помогло — создали нормальный интернат для детей со сложной судьбой. Нам не хватает внутреннего убеждения созидания. Мы во многом плывём по течению; «мы ленивы и нелюбопытны», как сказал Александр Сергеевич Пушкин про нас 1836 года и про нас 2021 года. Мы ленивы и нелюбопытны. И порой нужен просто хлыст, для того чтобы нас гнать: какие-то проблемы; не дай Бог, какой-нибудь культ личности, что-то ещё. Вот было созидание в начале XX века — Россия по темпам роста экономики была на первом месте в мире, соперничая с Соединёнными Штатами Америки. Ежегодный рост ВВП был до 9-11%; страна бешено развивалась. Нет! Скрутили себя, устроили революцию; потом рыдали и говорили: что мы сейчас натворили?! В этом смысле мы опасны для самих себя. Наше подростковое состояние негативизма, к сожалению, остаётся. Чехов и Достоевский говорили об этом. Тютчев, Пушкин говорили о низкопоклонстве перед западом. Пока это непреодолимо! Сейчас нужен какой-то мощный созидательный порыв.

НУЖЕН СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПРОРЫВ

— Идея какая-то нужна...

— Идея, мощный созидательный порыв... Должна быть та самая пассионарность, о которой говорил Гумилёв и которая так спорна для многих. Прав ли он был или сказочник — это особый разговор. Он преподавал у нас в институте, иногда приходил к нам. Удивительный старик был, потрясающий совершенно! Он говорил: «Когда я работал на великих стройках коммунизма...» — он сидел в лагерях; это у него была такая присказка. Так вот эта пассионарность сейчас оставляет желать лучшего. Работают люди; я вижу людей на высших должностях, которые до трёх часов ночи сидят, принимают решения, работают по-настоящему.

— Вас слушают на высших должностях, вас уважают. Вы правильные вещи говорите. Мне кажется, что есть люди, которые так же думают. Но почему нельзя сдвинуть с мёртвой точки?

— Сдвигается...

— Сдвигается, но всё равно какое-то болото...

— Есть болото, есть и движение. Как и наша Россия, где есть болотистые места, на которых тина затащит вглубь; а есть прекрасные поля, заводы. Но мы не обращаем внимания, мы, как мазохисты, любим расчёсывать свои бесконечные болячки. Есть анекдот: «Иностранец говорит: удивительные люди русские. Вот мы сидим в компании за бутылкой, они клянут своё правительство, клянут свою жизнь; говорят, какие они ужасные и кошмарные. Но когда под утро я им сказал то же самое, они набили мне физиономию».

— Мы сами про себя можем говорить, а про нас нельзя.

— Всякий раз, когда мы этот реальный (надо смотреть правде в глаза), но, как правило, ещё и выдуманный негатив увеличиваем, мы ещё напридумывать мастаки. И мы распространяем это отношение к себе и состояние. Это невозможно же, когда страшно понижается уровень социальной самооценки, личностной самооценки. Мы должны быть смиренны, мы не должны быть гордецами. Но самоуничижение, как говорится в одном из духовных законов, «паче гордости» — страшнее, чем гордыня.

ВЫВОДЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ «ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ОСТАНКОВ»

— У меня вопрос, уходящий за 1917 год. У нас есть часть коммунистического общества, в котором отношение к царской семье, к империи, к Николаю II довольно скептическое. В Шотландии есть полк, святой покровитель которого - наш Николай II. На Архиерейском Соборе, который перенесён на весну 2022 года, должны обсуждать вопрос о признании останков Царской Семьи.

— Мы подготовили, вместе со Следственным комитетом, все материалы за пять лет. Было новое следствие, это было очень интересно. Мы не предрешаем исхода, естественно, Архиерейского Собора, но мы предоставляем все документы, которые отработаны следствием, исторической комиссией и нашей церковной комиссией. По просьбе Святейшего Патриарха мы проводили генетические исследования. Были

подняты останки отца Николая II Александра III, взяты генетические пробы и сравнены с екатеринбургскими останками. Там всё совпало. Святейший Патриарх об этом сказал. Но окончательно будет судить Архиерейский Собор. Мы не учёные и не готовы спорить.

— Но все экспертизы есть?

— Все экспертизы есть. Меня они вполне удовлетворяют, потому что я их все смотрел. Однако споры продолжаются.

— Получается, что, если Архиерейский собор принимает положительное решение и признаёт, что это останки царской семьи, то они превращаются в мощи?

— Да, мы их признаём, как мощи святых. Но кто-то признаёт, кто-то не признаёт — я не знаю, как это будет, хотя для меня это совершенно очевидно, лицемерить тут я даже не собираюсь. Все три тома дела мы только что издали, и они выложены на сайте Следственного комитета; каждый человек может поглядеть на эти документы. Там не только генетические экспертизы, там было около пятидесяти разных экспертиз. Любой человек может непредвзято посмотреть. Я не доверял следствию, которое велось в 90-е годы. На то было множество причин, в том числе процессуальные причины — то есть брали частицы от останков брата Николая II, брали екатеринбургские останки, но процессуально это не было должным образом оформлено; и это вызывало недоверие. Об этом говорил в своём докладе Бастрыкин, не будучи ещё главой Следственного комитета, который поражался, насколько небрежно были оформлены материалы.

— Новое государство... 1990-е годы тогда были.

— Да, сложности были. Сейчас все эти ошибки исправлены; процессуально всё идеально; исследования проведены на высочайшем уровне. Профессор Попов, один из крупнейших судмедэкспертов, который, как специалист, не признавал эти останки, исходя из этих ошибок. Будучи наследником, Николай Александрович был в Японии, и на него было совершено покушение: полицейский (как раз пошла эта поговорка «японский городской») ударил его саблей по голове и серьёзно ранил. В 90-е годы томографы не могли показать это ранение. А разрешение нынешних томографов таково, что, проанализировав этот череп, профессор Попов увидел на черепе №4, который, предположительно, принадлежит страстотерпцу Николаю II, следы ранения, совпадающие со шляпой, которая была тогда на Николае II и теперь хранится в Эрмитаже. Кровь последнего русского царя сравнивали с кровью его деда Александра II, который был убит в 1881 году террористами, и его рубашка тоже осталась. Окровавленная рубашка Николая II тоже хранится в Эрмитаже. Мы предоставили все возможности, чтобы каждый грамотный человек изучил экспертизы. Когда мы становились экспертами, мы подписывали документ, в котором говорилось о том, что в случае заведомо ложной экспертизы мы подлежим уголовной ответственности со сроком наказания до пяти лет.

— А если в дальнейшем ответ Собора будет положительным, где будут хранить мощи?

— Это прерогатива Святейшего Патриарха и Архиерейского Собора. Наверное, в Петропавловской крепости — там же, где похоронены почти все члены дома Романовых.

ОБ ОТНОШЕНИИ К МОНАРХИИ

— Кстати, недавно в Исаакиевском соборе была свадьба наследников, так сказать, дома Романовых. Как вы относитесь к некоей реставрации монархии у нас?

— Это личное дело этих двух молодожёнов. Один из моих учителей митрополит Питирим (Нечаев), у которого было почти четыреста лет священнической династии, несколько святых в роду, в советское время, учась в Мостостроительном институте, принял решение стать священником, монахом. Удивительный был человек! В середине 80-х поднимался рост монархических настроений, интерес к этому. Я помню, дежурил у него в приёмной, когда пришли какие-то люди молодые и не очень молодые в царской военной форме со множеством крестов. И что меня поразило — полные георгиевские кавалеры — это все равно что мне сейчас надеть три звезды Героя Советского Союза и куда-то пойти. Они в этом пришли и попросились к владыке на встречу. А я, просто поражённый, смотрел: как можно надеть боевые ордена?! Такой был маскарад...

— Ряженые...

— Ряженые, да. Они говорят: «Владыка, надо сделать всё, чтобы восстановить монархию, нам нужен царь сейчас же!» Он посмотрел на них и сказал: «Дай вам сейчас царя — вы ведь его через неделю снова расстреляете». Монархия — это, с моей точки зрения (я опять готов получить порцию камней), абсолютно естественное для России состояние. Но чтобы войти в это естественное состояние, надо очень много переменить в нашем духовном состоянии. Это дар Божий. Могут быть искажённые монархии — вот сталинская монархия... Русский народ, разрушив своё государство в 1917 году, с невиданным энтузиазмом стал строить то единственное, что он может строить в государственном строительстве, — снова монархию; но эта монархия была уже коммунистической; лидеры коммунистического мира были неограниченными монархами. Единовластие естественно для нашей страны, но оно должно быть правильным. Я знаю, что очень многие люди, в том числе и в руководстве нашей страны, довольно иронично относятся к этому моему мнению, но это их личное дело.

О ПУТИНЕ

— Мой бывший начальник говорил: «Есть Путин — есть Россия; нет Путина — нет России». Многие его превозносят; некоторые говорят, что, мол, царь едет или ещё что-то...

— Это шутки. Помните, как Хазанов пытался надеть на голову Путина корону? Что сделал Путин? Он взял корону и со смехом нахлобучил на Хазанова эту корону. Владимир Владимирович, насколько я знаю, иронично относится ко всем этим делам. Он пашет и пашет. Я не буду лицемерить: я имею счастье иногда с ним встречаться; но иногда встречи проходят в три часа ночи. Я, как член президиума Президентского совета по культуре, веду восстановление Херсонеса. Владимир Владимирович лично курирует этот вопрос. В десять вечера приезжаешь и понимаешь, что ждать придётся долго; встречи происходят там в три часа ночи. И уже жалко его: ну что такое человек в три часа ночи... Я ему: «Владимир Владимирович, давайте я сейчас покорооче, у вас же ещё посетители». А он: «Нет-нет, давайте... только двое». А утром встаёт и опять на работу. Сейчас опять скажут: «на галерах». Это выражение Николая I — «Я раб на галерах». Николай I — «инженер на троне», человек, который абсолютно не хотел быть царём; но так сложилась судьба, что ему пришлось взвалить на себя разваливающееся после декабристов государство. И этот оболганный «инженер на троне», которого называли Николаем Палкиным, поднял страну. А он мечтал о карьере

инженера. И как его кляли, как его только ни называли! Александр Сергеевич Пушкин, который потом наконец-то понял, что о чём в нашем великом Отечестве, из радикального либерала стал монархистом и государственнымником, писал друзьям, говоря о царе: «Его я полюбил», не боясь, что его будут оплёвывать. Николай Александрович помогал его семье, оплатив все его долги; был первым, кто сказал, понимая, что Пушкин скоро умрёт: «Вы должны причаститься». И Пушкин причастился перед смертью; сам захотел этого, пригласив священника. У них были особые отношения. Начальников нигде не любят, особенно у нас в России; везде их хаот, везде их проклинаяют. Я думаю, что у Владимира Владимировича в этом смысле нет никаких иллюзий. Он людей любит — это самое главное. А уж любят ли его — ему об этом особой заботы нет, поверьте. Он делает своё дело.

— Как гражданин России вы видите, какие действия предпринимает власть. Но власть — это одно, а есть Президент. На ваш взгляд, решения Президента были когда-нибудь вразрез с религией, или всё-таки он воцерковлённый моральный человек?

— Церковь, со стороны государства, сейчас не имеет никаких принуждений. Но это было и при Ельцине. Церковь может вести социальную деятельность; восстанавливаются храмы как памятники, как общенародное достояние. Я думаю, что это стопроцентные наговоры, что государство давит каким-то образом на Церковь и есть какое-то слияние с Церковью. Совместно строятся детские дома, хосписы, социальные столовые. Совместно осуществляется социальная деятельность, поддержание памятников. То, что Патриарх поддержал Владимира Владимировича? Ну и что? Это его мнение. Критическое отношение со стороны Церкви было высказано и к монетизации, и к пенсионной реформе, хотя она, судя по всему, была совершенно необходима. Другое дело — как это было проведено. Людям не объяснили... У нас сохраняется такое отношение к народу: поймут, начальник сделал — значит, всё правильно. А объяснить, что пройдёт несколько лет, и у нас пенсионеров будет больше, чем работающих? То есть это должна была быть долгая беседа с обществом, чтобы было согласие, что это тяжёлое решение, но надо его принимать. И поскольку ни СМИ, ни все наши «великие» правящие партии палец о палец здесь не ударили, то пришлось взять это на себя Президенту. Поскольку все понимают, что это крайне непопулярное решение, свалили всё на Президента.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917-ГО

— Я всё ждала, что кто-то возьмёт на себя эту ответственность. Разделите эту ответственность — что же вы на Президента всё сваливаете! А потом, когда выборы, они от Президента пытаются этот кусок отхватить.

— К сожалению, это так. Нет реальной общественной силы. Когда-то это была духовная общественная сила — Церковь. Мы говорим: террор сталинский, красный террор, белый террор. А кто его выпестовал? Наша русская интеллигенция, которая в конце XIX — начале XX века поддерживала террористов. Это было признаком хорошего тона — поддержать убийство губернатора или министра внутренних дел. Почти все министры внутренних дел были убиты. На царя Александра II были покушения. На премьер-министра Столыпина была масса покушений, в результате одного его дочери оторвало ноги. В конце концов он был убит. Когда был убит

министр внутренних дел Плеве, люди верещали от радости, поздравляли друг друга, шампанским праздновали это событие. То же самое было со Столыпиным. Наш великий русский писатель Алексей Максимович Горький реально поддерживал террор, субсидировал убийство Плеве и министра иностранных дел Сазонова. Наши прекрасные писатели состояли в террористических организациях. Автор «Алых парусов» Александр Грин – эсер; Мандельштам пытался вступить в боевую террористическую организацию, но был таким хлипеньким, что его не взяли. Мы знаем о феврале 1917 года, знаем об октябре 1917 года. А ноябрь-декабрь 1917 года — это завершение выборов в Учредительное собрание России. Позволю себе напомнить, что такое было Учредительное собрание. После страшного переворота в феврале 1917 года Временное правительство предложило провести свободные всероссийские выборы, в результате которых лучшие люди, выбранные в Учредительное собрание, определяют направление жизни России: это будет республика или монархия. И это действительно были самые свободные и самые честные выборы за всю историю России, наверное. Было разрешено женщинам выбирать. До этого в княжестве Финляндском разрешалось, но это была лишь часть страны. Для женщин было разрешено избирательное право в Австралии и Новой Зеландии. Ни в Америке, ни в Европе женщины не могли выбирать. Военным разрешили выбирать; возрастной ценз был снижен с двадцати пяти до двадцати лет; никаких национальных цензов не было. Были проведены эти великие всенародные выборы, в результате которых 91% депутатов — члены террористических партий: эсеры и большевики, в уставах и программах партий которых был записан террор как инструмент их политической деятельности. Мы сами выбрали — 91%! И потом удивляемся, откуда у нас был террор. Да, мы его выбрали; мы сами решили его призвать, мы призвали этот террор. А повивальной бабкой этого террора была наша замечательная креативная русская интеллигенция — свободомыслящая, мечтающая о прекрасной России будущего.

Наш великий нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии Иван Петрович Павлов сам был не чужд революционным настроениям. В России, единственной из воюющих и невоюющих стран, не было карточек. В Германии, в Австро-Венгрии миллион человек умерли с голоду, а у нас не было никаких продуктовых карточек, кроме сахара, чтобы самогон не варили. В голодном Петрограде, где выдавали уже пайки хлеба (помните, у Маяковского: «Не домой, не на суп, а к любимой в гости две морковинки несус за зелёный хвостик»), Павлов выступил с лекцией о русском уме, в которой говорил о том, что это массовый психоз, в котором виновата русская интеллигенция. От нашей интеллигенции можно ожидать очень многого. Это не значит, что надо хвататься за револьвер при слове «интеллигенция», о чём говорил изверг, имени которого не буду называть. Но наш креативный класс абсолютно точно очень опасен сам для себя, он без тормозов. И это надо учитывать. Все наши революции были созданы и протестной интеллигенцией, но и интеллигенцией из всех, так сказать, элит, в том числе из башен всякого рода и всякого времени. Эти процессы очень интересны, но они доводят порой до страшных вещей.

— Получается, у нас власть начинает заигрывать с такими людьми. Зачем это... почему заигрывают?

— Мягкотелость и глупость порой зашкаливают. Я никого не учу – избави Бог. Но я убеждён, как гражданин, что должна быть принципиальная позиция. Я думаю, что она вырабатывается, потому что все понимают, что мы можем зайти очень далеко. Февральскую революцию все встречали с восторгами: мы никогда не переживали такого прекрасного времени; это самые лучшие дни России! Ужас в том, что и Церковь

поддержала февральский переворот — это позорнейшая страница истории нашей официальной Церкви, когда первенствующий член Синода торжественно выносил кресло императора из Синода; когда поддержали Временное правительство; когда члены Синода отказались выступить с обращением к восставшим солдатам Петроградского полка. В 1905 году выступили и во многом предотвратили революцию. Все слои общества, начиная от царского семейства и заканчивая духовенством; начиная от профессуры и студенчества и заканчивая ремесленниками и интеллигенцией, — все обезумели. Многие психиатры того времени писали: массовый психоз. Дойти до этого массового психоза и раскрутить его — мы мастаки. Вот что самое страшное. Личный секретарь Керенского и поэт Каннегисер писал: «Тогда у блаженного входа, в предсмертном и радостном сне я вспомню — Россия. Свобода. Керенский на белом коне!» А через четыре месяца они обрушили государство и фронт, который побеждал; а мы должны были уже осенью победить в Первой мировой войне. Нас разрушают изнутри, и просто надо определиться, на чьей ты стороне: или ты на стороне этих разрушителей и участвуешь в этом разрушении, или думать, как Пушкин говорил: «...многое мне претит, но клянусь вам моей честью — ни за что в мире я не хотел бы переменить родину...». Со многим я не согласен, и многое мне кажется абсолютно невозможным и отвратительным, но, во-первых, я никогда не захочу другой истории, кроме той, которая оставлена нашими предками; и второе: русский человек не может быть негосударственником, это невозможно, тогда он становится разрушителем.

ДВА ТУПИКОВЫХ ПУТИ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Даже в советское время Церковь, при всём неприятии и коммунистической идеологии, и страшных вещей по разрушению, всё равно со страной (не с государством) шла вместе почти до края обрыва, чтобы спасти хотя бы немногих. Не разрушала государство, а пыталась его исправить, потому что понимала, что государство — это не сакральная история. Не надо говорить, что мы призываем к сакрализации государства. Но при всех ошибках нельзя становиться разрушителями. Можно становиться оппонентами, можно что-то не принимать, критиковать, но это должно быть созидательным, а не разрушительным.

— Есть непонимание у народа, например, что к положительному человеку принимают жёсткие меры. Или наоборот... История с Кириллом Серебренниковым — здесь тоже были то суд, то заигрывание; постоянные прошения: давайте простим... Потом финансирование Министерством культуры фильма «Чайковский», где он был представлен не великим композитором, а геем. Я не против: пусть это творчество развивается. Но почему на государственные деньги, почему государство подаёт патроны для разрушения?

— Нет ничего хуже, чем обелять и поддерживать все без исключения действия государства. Это тоже тупиковый путь. Как и все люди, правители, партии и прочие ошибаются. Здесь есть некий критерий истины — это совесть, это понимание цели и понимание того, что, для того чтобы окончательно судить, надо знать всю подноготную и иметь массу информации. Это очень важно и очень ответственно. Но нельзя ни в одну сторону, ни в другую — ни в тотальное критиканство, ни в тотальное «одобряем-с» всего, что происходит. Это целые процессы. Если мы хотим какое-то

суждение принести, то надо изучить вопрос самым серьёзным образом. Поверхностность — это тоже наше частое свойство.

Я специально попросил распечатать отрывок из «Бориса Годунова» Александра Сергеевича Пушкина. Конечно, это не монолог Годунова; Годунов — это всего лишь образ. Это размышление зрелого Александра Сергеевича Пушкина о человеке во власти и об отношении народа и людей у власти:

«...Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать -
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мёртвых -
Безумцы мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы -
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж её любви...»

Начальник, ищущий любви и почтения своих подчинённых, — это самое ничтожное и самое глупое, наверное, существо на свете и самое несчастное.

ПУТИН НЕЗАМЕНИМ. НО ЭТО И НАША ПРОБЛЕМА

Вот что сказать о Владимире Владимировиче — он любит сам и Россию, и народ; а насколько любит его кто-то — для него это, поверьте, абсолютно личное дело. В этом смысле он созидатель.

«...Кто ни умрёт, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу –
Монахиню смиренную... всё я!»

Пушкин это видел. Но ведь он говорил не о Борисе Годунове; он говорил об отношении. Он глубочайшим образом изучал историю и екатерининской поры, и его современной поры. Начальник во всем виноват — для России это аксиома. Нам надо к этому привыкнуть; тут чуда не свершится. Всё как было, так и будет. А чернь – здесь имеется в виду не народ, а бесконечные сплетники, клеветники, завистники и разрушители... вот это страшное болото.

— Вы и в Совете, и лично видите. Он, наверное, прислушивается к вам?

— Это человек совершенно другого масштаба и уровня во многих отношениях, в том числе и информированности, и бесконечной ответственности, которая на нём лежит,

которую он очень хорошо осознает; больше, чем мы даже можем себе представить. Он человек дела, не ищущий никакой благодарности. Он, как офицер, как солдат, поставлен это делать.

— Он уже себе не принадлежит.

— Он абсолютно себе не принадлежит; у него только одна задача: сделать всё, чтобы страну вести, спасать, потому что это порой в буквальном смысле слова, когда у нас бесконечные наводнения, дефолты и прочее. Мы живём в экстремальных условиях, плюс военное противостояние. Ведь страшно же вспомнить какой-нибудь там «Сахалин-2», когда мы отдавали нашим западным партнёрам нефть, не получали ничего и ещё платили за то, что мы даём, а расторгнуть договор не могли. Или страшные военные действия на Кавказе, когда не могли найти пятьдесят тысяч военных, которые были боеспособны. Мы знаем, что наши западноевропейские партнёры уже говорили, что России не существует; и вопрос в том, как она будет переходить в состояние уже раздробленности; как это сделать, чтобы это было наиболее безболезненно и полезно для зарубежного сообщества. Задача огромная, страшная по своей тяжести и непониманию. Россия была спасена, но ещё же задача сохранить. У нас на крестике написано «Спаси и сохрани». Это всё лежит на этих плечах... Как было сказано: Россия — это Путин...

— Володин сказал: «Есть Путин - есть Россия; нет Путина - нет России».

— Это воспринимают как то, что Путин — это и есть Россия. Это, конечно, не так. Россия больше любого из нас. Я думаю, что Вячеслав Викторович Володин говорил это, зная, что нет никого другого, кто может сейчас всё удержать. Так сложилось исторически: вся его предыдущая деятельность; ситуация в 2000 году, когда приходит новый лидер, и огромное воодушевление народа даёт ему силы и формирует его; разрешение конфликта на Кавказе огромными усилиями; подъем экономики, о котором уже все забыли, в том числе благодаря нефти; пресечение деструктивных действий многих людей, обладавших огромной властью и военизированными формированиями, которых называют олигархами; подъем России на международном уровне; защита интересов России в военной сфере. Всё это сформировало человека. Поэтому многие смотрят и говорят: кто ещё может вот так же работать на международном уровне; кто может ещё внутри обеспечивать систему сдержек и противовесов? Но это и наша проблема. Человек не бессмертен.

— Что дальше?

— Этот вопрос тоже на нём, ни на ком другом; в первую очередь подготовить то, что будет дальше. Он в каком-то интервью сказал: «Я об этом думаю день и ночь». И многие понимают: вот убери и что начнётся?

— Начнут дербанить...

— Любому ответственному человеку, который понимает, какие приводные ремни у нас есть, стоит задуматься. Поэтому я думаю, что Володин именно в этом смысле сказал. Сейчас такова ситуация, и эта ситуация не самая лучшая, не идеальная. Володин этого и не сказал. На данный момент ситуация сложилась так.

На территории Псковского епархиального управления:

— Я человек слабый и недостойный. Это мои предшественники по кафедре с XII века. Здесь была Новгородская кафедра, а с XVI века Псковская. Это фотографии наших

священников: отец Иоанн (Крестьянкин), владыка Иоанн, наместник Псково-Печерского монастыря отец Тихон.

— Красиво здесь.

— Я люблю густые краски. Здравствуйте. Все привитые? Не все. Вот COVID-диссиденты! Здесь наш хор – один из лучших в России. Потрясающая духовная музыка!

— Это была церковь Одигитрии – древний храм XV – XVI веков. До какого состояния довели!

— Это при советской власти он начал разрушаться?

— Сейчас мы хотим его восстановить. Он был когда-то кафедральным собором. Это памятник федерального значения. Здесь будет молодёжный центр, школа и многое другое. В бывшей Псковской духовной семинарии сейчас отделение университета. Для университета государство строит большие здания. Здесь мы семинарию делать не будем; она у нас при Псково-Печерском монастыре. Здесь будет художественный центр. Храмов здесь много. Вот храм святителя Николая – храм Николы со Усохи; рядом храм Василия на Горке, Анастасии Узорешительницы. Строили небольшие храмы для маленьких приходов. Это была не государственная программа, а потребность людей в постоянном общении с Богом. Тогда не было развлечений (ни театров, ни Интернета, ни телевизоров), но было общение с Богом. Этим они и жили. Псковщина – самое красивое место! Приезжайте! С радостью ждём вас. Увидите поразительную, ни с чем не сравнимую, во многом нетронутую русскую землю.

— К вам Президент сюда приезжает?

— Он был дважды в Псково-Печерском монастыре. Три года назад он был проездом из Питера, заехал в Псково-Печерский монастырь, поклонился святыням. В первый год его правления он побывал у нашего великого старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Они с ним общались о чём-то вдвоём. Я думаю, отец Иоанн вдохновил его. Я не знаю; не спрашивал специально; а сам он не говорит. Но отец Иоанн о нём кое-что сказал... не буду говорить.

— Хорошее?

— Хорошее. Очень глубокое и хорошее.

*С митрополитом Псковским и Порховским Тихоном (Шевкуновым)
беседовала Анастасия Кашеварова
Daily Storm
28 октября 2021 г.*